

От редакции

Свою книгу «Параллакс» (2008)¹ Славой Жижек начинает с параллели между поражением коммунизма и, недавно, с новой энергией, возвещенной смертью психоанализа. «Черная книга психоанализа»² есть лишь логическое продолжение «Черной книги коммунизма»³, и «по крайней мере, в этом негативном смысле, глубокая солидарность марксизма и психоанализа отныне выставлена на всеобщее обозрение». Действительно, представляется, что психоанализ устарел по меньшей мере по трем позициям: 1) новейшие нейробиологические открытия дали, наконец, основу для куда более научного представления о функционировании психики; 2) в области клиники химико-фармацевтические и поведенческие терапии дают результаты более быстрые и эффективные, чем традиционная кушетка; 3) на смену обществу — цензуре сексуальных влечений пришло общество вседозволенности и гедонизма. И все же и именно по этим причинам, согласно Жижеку, только сейчас и приходит время психоанализа.

Применимость этого тезиса к России требует проверки и осмысления. Психоанализ в России был «задержан», и его возвращение началось примерно 20 лет назад, уже после того, как в западном (в первую очередь французском) психоанализе произошли колоссальные сдвиги, знаками которых могут служить, по меньшей мере, имена Лакана и Делёза — Гваттари. Социальный пейзаж, в котором происходит это возвращение, также весьма примечателен. Он характеризовался сначала большой нестабильностью, неуверенностью, потерей ориентиров огромной массы населения. Затем, спустя десятилетие, на фоне нарастающего социального неравенства возникает некоторый средний класс, основной «потребитель» психоанализа: доступ к психоанализу в России еще более селективен, чем в Европе век назад. Но это не единственное отличие. Неокапиталистический общественный порядок (под «нео» подразумеваются власть медиа, финансиаризация капитала, дестабилизация трудовых отношений, новая биотехнополити-

¹ The Parallax View. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006; Устройство разрыва. Параллаксное видение / Пер. с англ. А. Смирнова, Г. Рогоняна, С. Кастальского, А. Олейникова. — М.: Европа, 2008.

² Le livre noir de la psychanalyse: vivre, penser et aller mieux sans Freud / éd. Cathrine Meyer et al. — Paris: Éd. des Arènes, 2005.

³ Le livre noir du communisme: crimes, terreur et répression / éd. Stéphane Courtois et al. — Paris: R. Laffont, 1997.

ка, сетевая и виртуальная социализация и пр.) налагает свою печать и на психоанализ, спрос на который со стороны нового среднего класса предъявляется все больше в терминах эффективности, соотношения цены/качества, персональных услуг, индустрии *care*, т. е. в конечном итоге купли-продажи. В этих условиях модели трансформированной исповеди, работы с вытеснением и просто работы (внутренней, «над собой») вызывают сопротивление как попытки возвращения к архаичным дисциплинарным образцам.

Правомочно ли, продуктивно ли рассматривать оппозицию психоанализу внутри психоаналитической теории сопротивления? Многие психоаналитики оспаривают такой подход. Наша гипотеза заключается в том, что сопротивление укоренено не только психотопологически, но и социально (или, как говорилось на гегелевско-марксистском языке, «это одно и то же»). Иначе говоря, мы предполагаем, что сопротивление анализанта гомологично, однотипно по форме с социально-институциональным сопротивлением психоанализу, и что, следовательно, сопротивление меняется исторически, и что для понимания сопротивления, оказываемого данным конкретным анализантом, необходимо привлечение всего культурно-локального контекста.

С другой стороны, сам психоанализ не является внеисторическим явлением, но, напротив, укоренен в месте и времени своего рождения: узко — в Вене начала XX века, широко — в Западной Европе эпохи модерна (или перехода к «позднему капитализму»). Поэтому, например, очевидно, что шизоанализ «сопротивляется» не столько психоанализу, сколько цивилизационному топосу, его породившему.

У той критики психоанализа, которая приобрела особую интенсивность в последнее время, совершенно иная направленность. Она выражает поворот в современной биополитике, стремящейся в рамках просветительского проекта к окончательной десакрализации (читай: маркетизации) тела и, в целом, человека. *Черная книга психоанализа*, несколько статей из которой мы включили в этот номер *Логоса*, лишь конденсирует враждебность со стороны терапевтов когнитивистского или медикаментозного типов, поддерживаемых лобби фармакоконцернов, с одной стороны, и новой биотехнополитической идеологией, с другой. Для психоанализа такое сопротивление ставит вопрос о том, не является ли оно, скорее, симптомом, чем критикой, необходимой психоанализу для дальнейшего развития. Ибо очевидно, что психоанализ живет непрестанной теоретической бдительностью, и уже в силу этого его нужда в критике носит характер принципиальный, структурный. Возникает вопрос: *какое* сопротивление нужно психоанализу?